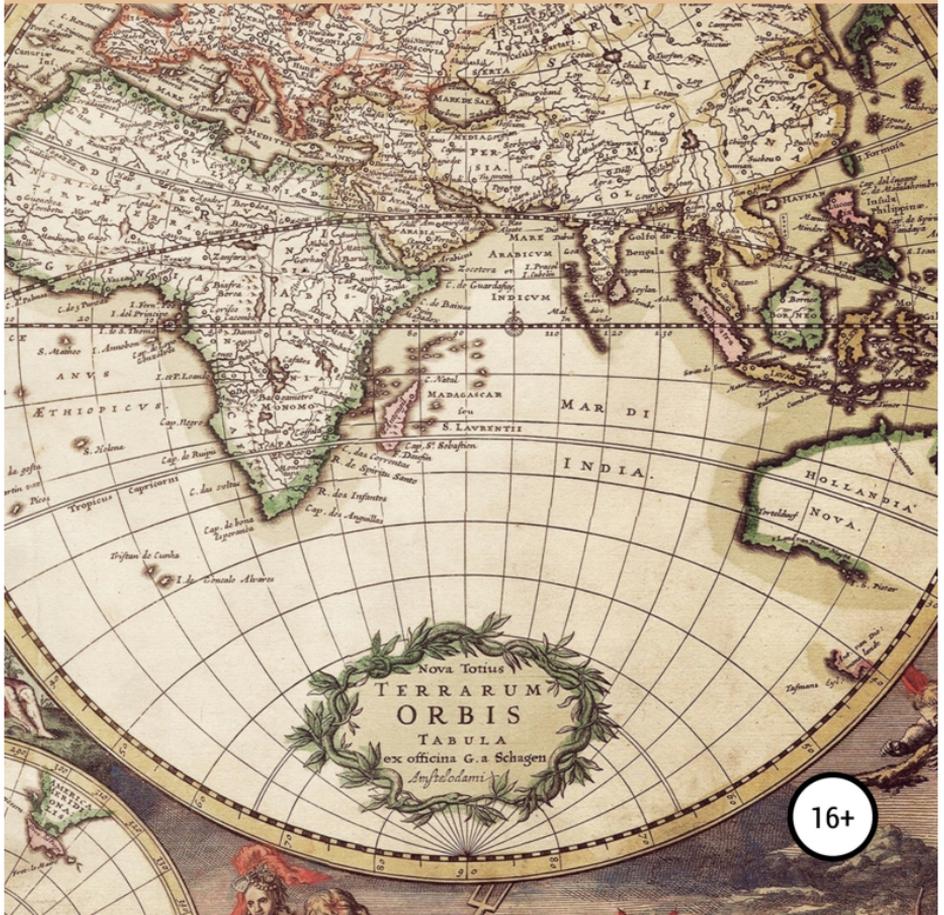

Жириновский В.В

Главные заблуждения нашего времени

Владимир Вольфович Жириновский

Главные заблуждения нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48582699

SelfPub; 2019

Аннотация

Провозглашение эры индивидуализма требует особенно пристального внимания и критического осмысления либеральных ценностей Запада, прежде всего апологетики прав человека, снятия табу морально-нравственного и религиозного характера. Как известно, основным вектором англосаксонской глобализации как идеологического проекта является полная десакрализация культурного пространства. Секуляризация мир-сознание-явление родилась не сегодня, но именно в наши дни апологеты десакрализации необычайно активны в стремлении добавить, вытравить традиционные ценности.

В попытках лишить Россию суверенитета Запад не брезгует ничем. Наряду с экономическими санкциями и военными провокациями в ход идут и исторические фальшивки, очерняющие российскую историю. Особенно в этом преуспели украинские нацисты и их союзники из Польши и Прибалтики.

На деньги Запада тысячи «историков» и «политологов» фальсифицируют русскую историю в книгах, фильмах и телепередачах. Русские правители изображаются то вовсе не русскими, то обвиняются в фантастических преступлениях или объявляются вымышленными персонажами.

Пора встать с колен и перестать молиться на США! Они уже не генератор новых идей и мыслей, а затхлое болото, в котором тонет любая здоровая инициатива.

Наша задача – сделать все, чтобы народ узнал настоящую историю своего Отечества.

Владимир Жириновский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Провозглашение эры индивидуализма требует особенно пристального внимания и критического осмысления либеральных ценностей Запада, прежде всего апологетики прав человека, снятия табу морально-нравственного и религиозного характера. Как известно, основным вектором англосаксонской глобализации как идеологического проекта является полная десакрализация культурного пространства. Секу-

ляризация мир-сознание-явление родилась не сегодня, но именно в наши дни апологеты десакрализации необычайно активны в стремлении додуть, вытравить традиционные ценности. Идет массивная атака глобальных СМИ на православие, ислам, католицизм. Общество пытаются приучить к мысли, что пляска на амвоне храма Христа Спасителя лишь невинная шалость, попытка выразить свою индивидуальность. Иными словами, масс-медиа, контролируемые и финансируемые транснациональными корпорациями, открыто заявляют: «Ничего святого!», «Бог умер!» Вакханалия разворачивается на фоне активной пропаганды однополых браков, содомии и свального греха, бородатых женщин-победителей «Евровидения-2014» и постоянных назойливых призывов к уважению ценностей либерализма. И при этом мало кто задается вопросом: «А в чем, собственно, эти ценности и что нужно уважать?»

Римский понтифик Пий IX опубликовал в 1864 году «Перечень главных заблуждений нашего времени», среди которых значились либерализм, рационализм, протестантизм, взгляд на государство как на источник права, отделение церкви от государства и многое другое. Он стал одним из первых деятелей на Западе, открыто выступивших против так называемых ценностей западного общества. И это несмотря на то что на протяжении почти двух столетий вера в западную либеральную демократию воспринималась креативным меньшинством как панацея от всех болезней, неред-

ко затягивая в свой водоворот целые народы и государства. В XX веке западный либерализм существовал в форме конкуренции двух идеологических проектов, отражающих ценности западной аксиологии: марксизма и либерализма.

У каждой цивилизации, претендующей на свое место под солнцем, должен быть свой ценностный код, свой уникальный проектный язык. В конце 80-х годов прошлого века СССР отказался от своего проекта, переняв западный ценностный язык, пойдя по пути, подсознательно проторенному Петром I, пути замены традиционных российских ценностей западными «копиями».

Советский Союз распался не в декабре 1991 года, а в декабре 1988 года, когда в выступлении Михаила Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН прозвучало: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. Осознание этого требует, чтобы и мировая политика определялась в первую очередь общечеловеческим

ценностями. Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск консенсуса в движении к новому мировому порядку». В этой фразе квинтэссенция западного проекта, англосаксонского либерализма. Отказом от советского проекта и переходом к «европейничанью» М. С. Горбачев задолго до официального распада СССР вынес ему смертный приговор. Перенос чуждого проектного языка оказал на нашу страну самое губительное и разрушающее воз-

действие. Ведь, как известно, Запад и Россия всегда были оппонентами в понимании фундаментальных принципов мироустройства. Россия всегда выступала как символ традиции и исторического преемства. Либеральный Запад со времен Реформации, вооружившись иудейской этикой, пошел по пути протестантского капитализма, отрицавшего традиции, формируя разрыв прошлого, настоящего и будущего. Философия гуманизма и просвещения, поставив человека в центр мира, сделала ставку на концепцию линейного прогресса, на радикальное отрицание традиции и предания. Разум человека должен быть уподоблен чистой доске, на которой испытанная природа оставляла бы свои отпечатки. Отрицание ценности предания с целью очищения разума становится исходной методологической установкой либерализма. Именно здесь заложен исток европейского либерального философствования, исключившего Бога из картины мира, ведущего от богоборчества к нигилизму, атеизму и человекобожию.

Именно здесь истоки протестантского «страха Лютера», терзающего Запад на протяжении 500 лет, здесь истоки утраты смысла бытия и экзистенциального одиночества современного западного человека. В этой связи рождается вопрос: «Если неолиберализм не работает сегодня даже в своей ценностной среде, неужели при перенесении набора его инструментов на чуждую почву можно достичь значительных позитивных результатов?» Нас всех в очередной раз заманивают

в идеологическую ловушку, предлагая сомнительную идеологию в обмен на ресурсы и национальный суверенитет. Бусы в обмен на золото – как во времена конкистадоров. Капкан открыт, нога занесена. Захлопнется он или нет, зависит от нас с вами, от того, насколько мы захотим разобраться в реальном состоянии дел.

Глава 1

Реформация и социально-экономические изменения в Европе

В рамках социального обмена индивид становится частью целого. Этот социальный кокон общинных связей имел как сакральный, так и социально-политический характер. Подвергнуть ostracismu в античном мире, отлучить еретика от церкви в Средние века было равнозначно исключению его из общества. Любые попытки заявить о некой особенности, индивидуальности, противопоставить себя остальным строго карались как преступное деяние, грех гордыни.

На волне эпидемий чумы, Столетней войны и массового обнищания населения центральное место в искусстве Средневековья занимают темы страха и Антихриста.

Однако в позднее Средневековье, на пороге раннего Нового времени по мере развития производительных сил чем больше каждый социальный круг, ячейка стремились подмять под себя рядового члена цеха, гильдии, корпорации, тем больше нарастало осознание личной обособленности.

Приходит время индивидуализма и формирования новых, капиталистических социально-экономических отношений.

Начало: от Августина до Лютера. Трансформация менталитета средневекового европейца

Мартин Лютер 31 октября 1517 года прибил к воротам храма в Виттенберге «95 тезисов» – знаменитое осуждение продажи индульгенций католической церковью. Тезисы Лютера, по замечанию Фридриха Энгельса, оказали воздействие, «подобное удару молнии в бочку пороха».

Лютер открыто выступил за секуляризацию церковного имущества, отделение германской церкви от Рима, организационную реформу церкви. Новая теология превратилась в знамя общественной оппозиции, являясь основанием не только для церковных, но и для социально-политических преобразований.

Новый способ производства—капиталистический – сделал человека владельцем уникального товара – рабочих рук. Массовое производство товаров было немыслимо без экономически свободного работника. Капитализм сделал человека свободным политически.

Усложнение социально-политической стратификации привело к тому, что определенная личность могла изменить образование, профессию, социальный статус, уровень доходов, то есть внук мясника отныне совсем не обязательно становился мясником. Реформация открыла горизонты даже в

выборе между различными конфессиями.

Если для православных и католиков путь к спасению, к жизни вечной возможен исключительно посредством принадлежности к церкви, лютеране пришли к противоположному выводу: путь к спасению пролегает через личную веру в Спасителя. Это стало фундаментом будущего индивидуализма Запада, началом разрыва протестантов с Римской католической церковью («Вавилонской блудницей»).

Теологический спор довольно скоро перерос в политический. За протестантов вступились германские князья, за папу римского – император Священной Римской империи. Вспыхнувшая война сопровождалась массовым террором, применяемым всеми сторонами конфликта. В Тридцатилетней войне погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Главной темой гравюр Дюрера и Гольбейна снова становится смерть—как следствие массового террора в ходе религиозных войн.

Генри Киссинджер полагает, что Реформация придала бунтующим государям новую свободу действий как в религии, так и в политике. Государь более не считали соблюдение клятвы на верность императору религиозным шагом. А это означало десакрализацию, обмирщение власти.

Англиканская церковь стала максимально приближенной к лютеранской модели: осуждалось почитание икон (к ним возникло светское отношение как к произведению искусства). Де сакрализация иконы привела к появлению в массо-

вой культуре современности иконы светского салона: «иконы стиля», «иконы поп-музыки», «иконы гламура» и т.д. Отменялись ограничения на чтение и толкование англоязычной Библии, появились положения о снятии запрета целибата, о таинстве причащения как чисто символического действия.

Кальвинизм легитимировал законы рыночной экономики, построенной на безжалостной конкуренции ее участников.

Высшим достижением трудовой деятельности становилось материальное благосостояние, богатство как результат труда, которое представлялось Божьим даром. Каждый индивид отныне индивидуально стремился достичь сонма избранных.

Для Кальвина существование частной собственности носит священный характер. Заповедь «не укради» предполагает существование частной собственности и обосновывает, и легитимирует ее. Он сугубо практически и трезво оценивает роль и большое значение денег в общественных отношениях. Деньги нельзя ни презирать, ни обожествлять.

Таким образом, кальвинизм и капитализм как социальные явления имеют вполне осязаемые общие особенности и четкие взаимосвязи.

Освобождение процента на капитал от морального клейма ростовщичества задало религиозную основу мирской трудовой профессиональной деятельности, создало мощнейший импульс к развитию в Западной Европе, изменило мен-

талитет, внушив западноевропейским народам мысль о том, что именно они являются движущей силой исторического процесса путем развития рационального знания и внедрения результатов технического прогресса.

Немаловажен и политический аспект системы, построенной Кальвином. Истинная церковь, по Кальвину, состоит только из когорты избранных, но поскольку от людей сокрыта Божья воля о том, кто избран, то к ней принадлежат все. Однако видимая церковь – лишь внешняя оболочка, форма для сокрытия невидимого содержания, то есть круга избранных. Религия и страх Божий – вот те основы, на которых покоится государственная власть. Всякая политическая система, устроенная иначе, достойна осуждения и порицания. Контуры грядущих гуманитарных интервенций Запада прорисовываются и в риторике Кальвина, воспевающей аристократическую и демократическую республику. Этот идеал политического устройства Кальвин заимствует у древних иудеев периода до Давида.

Теория кальвинизма жестко воплощалась в жизнь. Система наказаний в этот период не отличалась человеколюбием и мягкостью. Абсолютно в рамках иудейской традиции Ветхого Завета смертная казнь определялась за преступления самого различного свойства. Смерть богохульнику, смерть подрывающему основы существующего политического строя, смерть нарушителям супружеской верности – вот статьи ордонансов Кальвина. И проповеди Жана Кальви-

на не упали на бесплодную почву. Сложно найти другое государство Европы XVI века, где при таком небольшом населении в столь короткий промежуток времени было бы приведено в исполнение такое количество смертных приговоров. Судопроизводство отличалось при этом крайним цинизмом и жестокостью. Пытка была составляющим и необходимым элементом любого допроса. Обвиняемого пытали до тех пор, пока он не признавал свою вину, зачастую мнимую. Человеческая жизнь словно потеряла цену в Женеве того времени. Протестантская инквизиция проникала решительно всюду. Результаты ее были поистине поразительными. Город и горожане переживали удивительную метаморфозу. Живое, подвижное, подчас шумное население стало мрачно-серьезным. Исчезли национальные праздники, театральные представления, были уничтожены питейные заведения. В результате усилий Кальвина Женева стала не демократической республикой, а теократией, построенной на тоталитарном подчинении верующих.

Глава 2

Экстаз гордыни человеческой. Реформация, гуманизм, просвещение и капитализм

В рамках исторической объективности следует отметить, что обширная и глубокая проблема связей и соотношений между капитализмом и Реформацией была впервые сформулирована и поставлена Карлом Марксом.

В контексте экономического детерминизма Маркс дает характеристику событиям XVI века: возрождению наук и искусств, реформации старинного христианства, зарождающемуся национализму. Все это, по его мнению, формирует капитал, который и порождает экономическое сознание. Иными словами, сначала базис, затем надстройка. Капитал диктует капиталистическую политику, придает капиталистическую окраску мыслям, чувствам и верованиям. Таким образом, из капитализма родилась Реформация.

Веберу удалось наиболее убедительно показать важное место протестантизма в генезисе современного западного капитализма. Протестантизм внес в западную рациональность экономики, усиленную в эпоху Просвещения, «дух расчетливости». Пуританизм, как полагает Вебер, преобразовал расчетливость из средства ведения хозяйства в принцип жизненного поведения, то есть вывел «расчет» из экономики и сделал его универсальным принципом, внедрив «дух числа» во все сферы бытия. Эту расчетливость Запада укрепила эпоха Просвещения и научно-техническая революция, превратившая расчет в основу мировоззрения. Для истории философии, науки и техники Запада характерна так называемая одержимость пространством, выражающаяся в склонности к математическому методу мышления.

Сравнивая экономическое поведение протестантов и католиков, Макс Вебер указывает на специфическую ориентированность первых на индивидуально-предприниматель-

скую деятельность и склонность вторых к коллективным формам хозяйственной организации. В самом деле, в современной Европе протестантские страны явно опережают католические по показателям индивидуальной трудовой деятельности. Протестанты по-прежнему более экономически активны, чем католики. Пример Италии, символа католицизма, весьма показателен. Не удивительно, что в протестантских странах довольно незаметно была отменена исповедь. Именно в этом истоки пессимистически окрашенного индивидуализма западного протестантского мира. Примером могут послужить не только распространенная практика наличия персонального психолога, но и поразительно часто повторяющиеся в англоязычной пуританской литературе предостережения – никогда не рассчитывать ни на дружбу, ни на помощь людей, не доверять никому, кроме Бога.

Крайне важным для современного мира, по мнению Вебера, является и учение о невидимой Церкви божьей, образуемой избранными к спасению. Это прямое обоснование, легитимация права управления меньшинства большинством, божественное разрешение существования богатых и бедных, процветания политической и экономической элиты. Без Кальвина не было бы и теории «золотого миллиарда» Мальтуса. Принадлежности к избранным возможно достичь через мирскую аскезу и трудолюбие.

Десакрализация духовной жизни и сакрализация профессиональной деятельности приводили к тому, что освящение

жизни человека уподоблялось бизнес-предприятию.

Собственно, резюмируя вышеизложенное, Вебер и вынес в название своего труда понятие «протестантская этика». Ибо именно изменение в сфере морали, а не в способе производства создало дух капитализма, и отправным пунктом изменений стала идея утверждения избранности, взломавшая средневековый менталитет и сформировавшая основы и дух Нового европейского времени.

Люсьен Февр дал свое видение вызреванию капитализма и определил главную цель Великих географических открытий. Он отмечает, что стимулом стало овладение золотом, а не землей. Подвижное и компактное, оно (золото) давало полноту власти и свободу. Следует отметить, что именно в XVI веке земля перестала быть вожделенной. Владение землей приковывало к месту, лишало мобильности и свободы. Свободу теперь давал капитал. Финансовый и производственный капитал порождал капитал идей, чувств и мироощущений, а именно буржуазных представлений о мире.

Купец XVI века параллельным курсом богател, зарабатывал и приобретал новое мировоззрение. Это был «человек, не имеющий под рукой ни почты, ни телефона, ни банковских билетов, – по этой причине собственной персоной разъезжающий по свету в поисках товара... По дороге он видит нравы множества людей, соприкасается со всеми народами и религиями, утрачивает по ходу дела свои предрассудки и расширяет кругозор».

Вернер Зомбарт.

Этика иудаизма и капитализма

Повышенный интерес к этике иудаизма объясняется не только тем обстоятельством, что иудаизм первый в истории мировой религии и культуры прецедент монотеизма, но и той ролью, которой было суждено сыграть этическому комплексу иудаизма не только в истории евреев, став самой сутью еврейства, но и в мировой истории. Иудаистский монотеизм и этика оказали непосредственное воздействие на генезис и формирование европейского капитализма.

Корректно, думается, будет утверждать, что этика протестантизма в общих чертах повторяла основные постулаты иудейской этики. Протестантизм, отражая во многом чаяния «третьего сословия», буржуазии, многие представители которой в Западной Европе имели еврейское происхождение, был пропитан индивидуализмом, требованием свободы предпринимательства и торговли.

В этом контексте совершенно логичны и закономерны тенденции генезиса и эволюции США как протестантского проекта строительства Нового Ханаана, земли обетованной, населенной богоизбранной нацией, с претензией на исключительность и универсальность. Как известно, еврейству принадлежит заслуга создания многих ключевых институтов экономического развития кредитно-банковской системы, биржевого механизма и т.п.

Говоря о религиозной этике, Зомбарт полагал, что наиболее благоприятные основы для предпринимательской деятельности содержались в иудаизме. Только религия Торы и Талмуда никогда не выдвигала идеал нищенства, бедности и аскетизма, а, напротив, продвигала и проповедовала идеал торговой свободы и накопления капитала. Процветание и богатство – выражение милости Бога, бедность, внезапное банкротство— дурной знак того, что Господь оставил человека. Не об этом ли говорил Ж. Кальвин?

Любопытная деталь. Тора у евреев выступает в роли «переносного отечества». Неважно, где жить, важно исполнять все предписания и религиозные обряды. Родина там, где меньше налоги.

Этика иудаизма и протестантская этика как нельзя лучше соответствовали концептам обмирщения сознания и десакрализации мышления. И носителями этого нового-старого типа мышления стали еврейские капиталисты, разнося вирус капитализма в планетарном масштабе, способствуя разрушению национальных суверенитетов, подталкивая человека национального к человеку глобальному, заражая его космополитизмом. Где наилучшие условия для бизнеса, там и Отечество. Ведь этика иудаизма вплоть до образования государства Израиль заменила евреям родину, национальное государство. Сегодняшние глобализированные элиты продолжают продвигать концепцию «переносного отечества», оторванного от национальных корней и традиций, полностью

базируясь на этике иудаизма, являющейся сутью еврейства, без сомнения, давшей импульс к формированию идеологии протестантизма и создавшей сам дух капитализма. Иудейский комплекс отсутствия Отечества, рядясь в одежды толерантности и мультикультурализма, переносится США на весь мир в планетарном масштабе в проекте универсальной западной глобализации.

Ренессанс. Человек как мера всех вещей

Крайне важно понимать, что как без Реформации, так и без Возрождения и Просвещения современная доктрина неолиберализма была бы невозможной и несостоятельной.

Как время формирования политических режимов и политических доктрин, оправдывающих их существование, время мощных технологий манипуляций общественным сознанием, XX век базируется во многом на идеях, заложенных эпохой Возрождения и сформулированных западноевропейскими просветителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.